

Апрель-2003.-окт.(№38).-с.24-25.

Более тридцати лет назад вышел на экраны знаменитый фильм "Никто не хотел умирать", в котором мы впервые увидели трёх замечательных литовских актёров – Донатаса Баниониса, Регимантаса Адомайтиса, Юозаса Будрайтиса. Их полюбили тогда бурно и как-то особенно нежно. Они были наши, свои и в то же время ещё чуть-чуть иностранцы. За ними мерещилась совсем другая жизнь, более счастливая и комфортная, чем наша. Чистые литовские курорты, прохладное море, белый песок, отличный кофе и свежие булочки – всё это заменяло нам западную жизнь, волнующую воображение и почти наглухо от всех закрытую.

В этой "великолепной тройке" у каждого было своё амплуа. Адомайтис всегда считался героем-любовником. Женские сердца таяли при виде рослого загорелого красавца, с одинаковым успехом игравшего и суровых разведчиков, и коварных шпионов, холодных немцев и страстных латиноамериканцев.

Регимантас Адомайтис назначил встречу в Вильнюсском академическом театре драмы, где он работает уже более тридцати пяти лет. За двадцать минут до назначенного времени ваш корреспондент Марина Зайонц гуляла по просторному фойе театра. Входили-выходили какие-то люди, а Адомайтиса всё не было. Только ждал кого-то невысокий пожилой мужчина в тёмных очках, с седой бородой и кейсом в руках. Вскоре фойе опустело, кроме нас двоих, там никого больше не было. Стало ясно, что актёр давно уже тут.

– Интересно, в годы вашего расцвета вас в Вильнюсе любили так же, как в Москве?

– Ну, люди на улице узнавали, но я как-то не придавал этому большого значения. Мне нужно было очень многого достичь в театре, чтобы хоть как-то быть достойным внимания. Помоему, нас, до сих пор не знаю, любят ли, как вы говорите, но узнают больше в России. А здесь, дома, никто не обращает внимания. Тем более сейчас, когда мы уже постарели: седина, лысина, борода. Ещё старшее поколение так-сяк, а молодые не знают, не видели.

– Вы всё время говорите "мы". Это кто же?

– Банионис, я и Будрайтис. Так, наверное. Нас с Будрайтисом в России путают очень часто. Фамилии похожи.

– Отчего-то всегда казалось, что вы совсем не по-нашему счастливые люди. Стопроцентный иностранец. Живое воплощение меч-

хорошо понимал, что тут всего лишь счастливо сложились обстоятельства.

– Вы продолжаете сниматься в кино?

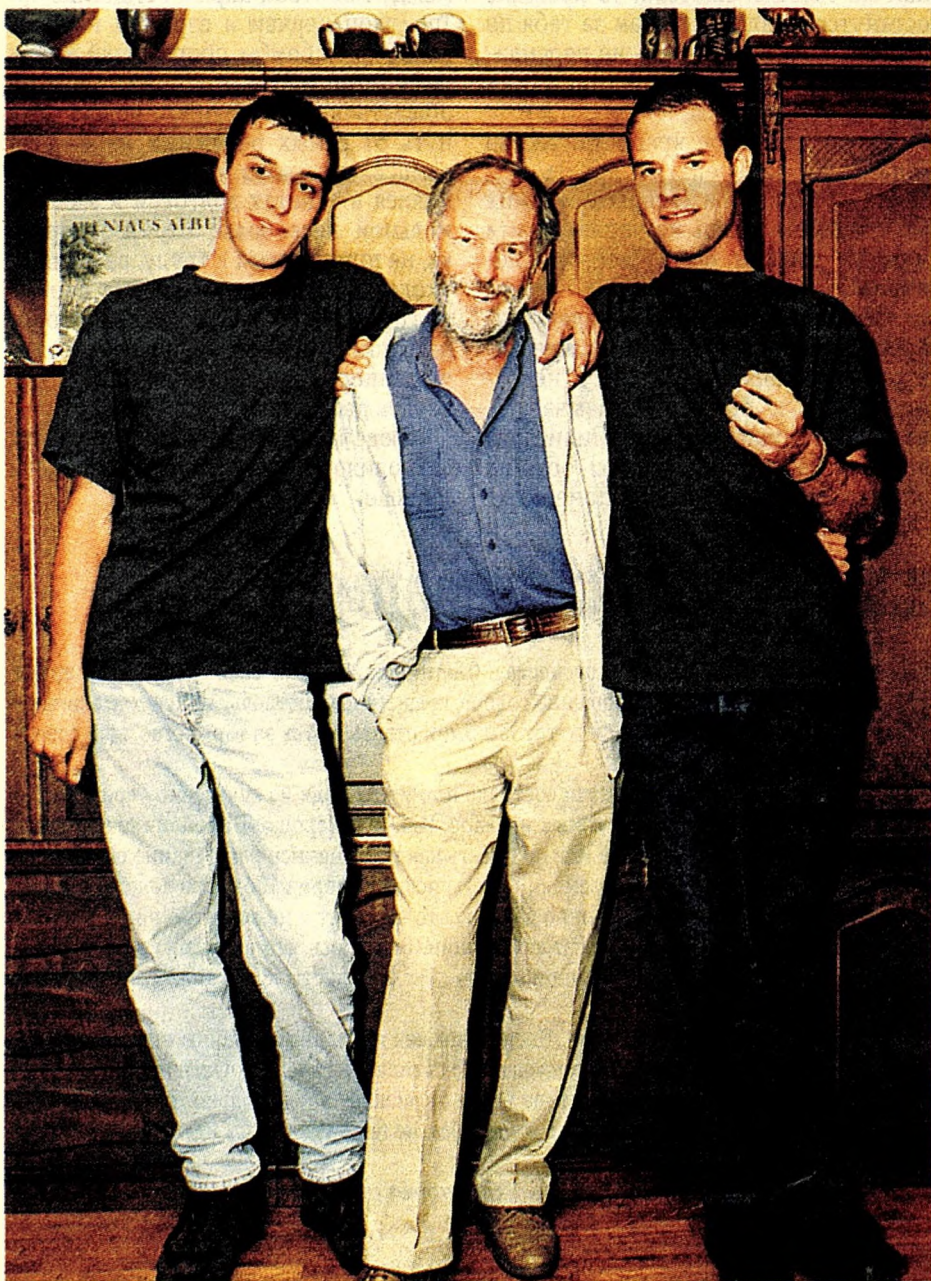
– Да, конечно. Правда, в этом году ещё ни одного предложения не было. Но, в принципе, я снимаюсь – в Москве, на Украине, в Германии был фильм.

– А что, в Литве вас не снимают больше?

– Нет, в Литве нет. У нас с кинематографом очень, очень плохо. Молодые ещё что-то пробуют делать на очень маленькие деньги, а на нормальное кино, насколько я знаю, нет денег. Маленькая страна, кино для нас роскошь. Республикам Балтии и, может быть, Польше нужно бы объединиться для создания единого кинематографического продукта, тогда это будет продукт высокого качества.

– А в театре по-прежнему играете?

– Немного, но играю. Как-то умудрился играть сразу в четырёх театрах,

Главное богатство Адомайтиса – это его сыновья.

Удача осталась при мне

Регимантас Адомайтис:
"Даже не представляю,
как выживем. Остается
только смеяться..."

ты. Человек, у которого есть всё – красота, талант, удача.

– Вообще-то я и сейчас счастлив. Хотя бы потому, что у меня есть работа, которая мне по душе. И семья, которую я очень люблю. Этого вполне достаточно, чтобы быть счастливым. А из того, что вы перечислили, при мне осталась только удача, в каком-то смысле. Талант у меня, скажу вам вполне объективно, не очень большой. Хотелось бы иметь побольше таланта, но так распорядился Бог. И не возражайте, отлично знаю, что я средний актёр, и чтобы сделать что-то достойное, мне нужны невероятные усилия. К счастью, я унаследовал от родителей трудолюбие. Закончив физмат университета, я поставил себе цель стать актёром и уже тогда понимал, что успеха ни завтра, ни послезавтра не достигну. Ну, может, лет через десять, если повезёт. Правда, удача пришла гораздо раньше – с фильмом "Никто не хотел умирать", но я-то

включая Русский драматический театр в Вильнюсе. Вот в театре у нас сейчас много интересного. Литовский театр на слуху во всём мире, это и мэтр Эймунтас Някрошюс, и Римас Туминас, и молодой Оскарас Коршуновас. Их спектакли участвуют в престижных мировых фестивалях, получают призы, имеют восторженную критику. Может, это действительно новаторское искусство, но я – консерватор и всю жизнь исповедовал другую веру, ценил школу Станиславского. Меня на сцене по-прежнему интересует живой актёр, а не режиссёрские, на грани эстетического шока, фокусы. Наверное, я устарел, но принять все эти новации не могу никак.

– Кстати, о новациях. Для вас что-то изменилось в жизни после того, как Литва стала независимой и собралась теперь в Евросоюз?

– Конечно же, мы радуемся независимости. Так ведь и у вас сейчас свобода, я имею в виду открытые гра-